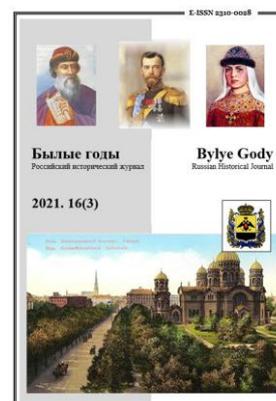

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1106-1115
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1106
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Problem of the Subject in the Contractual Relations of the Bashkirs with the Russian state in the XVII – first third of the XVIII centuries

Bulat A. Aznabaev ^{a, *}, Aleksey I. Kortunov ^b

^a Bashkir State University, Russian Federation

^b M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

Since the Bashkirs in the XVI-XVIII centuries. did not possess statehood, the concept of their contractual citizenship to Russia still evokes well-founded criticism. In foreign and domestic historiography, two points of view have developed, one of which denies the existence of any bilateral agreement between the Russian state and the Bashkirs, the other considers these relations from the position of feudal vassalage. However, none of these interpretations can explain the phenomenon of the Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries, during which the Bashkirs did not create their own state. As a rule, the insurgents' demands were limited to appeals to observe patrimonial rights and not violate their religious freedom. To resolve this contradiction, the authors considered it necessary to introduce into scientific circulation the materials of the Bashkir embassy in 1733. In the process of their analysis, it was possible to establish that contractual relations with Russia were concluded not by individual representatives of the Bashkir tribal structures, but by a single political structure, called in official documents the "Bashkir Horde" ... This polity solved exclusively foreign policy tasks. She was responsible for organizing the protection of the southeastern borders of the Ufa province and regulating relations with the Russian state. Within this polity, tribal associations did not form any hierarchical structure crowned by the figure of a khan. For this reason, the most acute conflicts between the Bashkir communities (land litigation and criminal offenses) were submitted to the supreme power of the state. Thus, the Bashkir Horde could exist only as an autonomous union within the empire. However, in the first third of the 18th century. Bashkir unification is going through a political crisis caused by a wide influx of agricultural migrants from neighboring provinces. The Bashkir volosts could not come to a common decision on the issue of accepting migrants. The exacerbation of the internal conflict in the Bashkir Horde was facilitated by the capture by the Yaik Cossacks in 1725 of the salt deposits on the Ilek, which were traditionally considered the property of the entire Bashkir people.

Keywords: Russian citizenship of the Bashkirs, Bashkir Horde, Bashkir embassy in 1733, tribal structure.

1. Введение

Анализ истории российской государственности предоставляет нам возможность сделать вывод о том, что она создавалась и развивалась, в том числе и на договорных началах. Достойным историческим примером в этом плане может стать Башкирский край, где договорные отношения сыграли первостепенную роль. Развитие башкирской государственности необходимо исследовать в контексте ее отношений с Российским государством, которые, как показало время, складывались на основе договора.

Эта проблема нашла свое отражение в зарубежной и отечественной научной литературе, где сложились две точки зрения, одна из которых отрицает наличие двухстороннего соглашения России с башкирами, другая – рассматривает эти отношения с позиции феодального вассалитета. Однако ни

* Corresponding author

E-mail addresses: azbulatt@rambler.ru (B.A. Aznabaev), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov)

одна из этих трактовок не может объяснить феномен башкирских восстаний, в ходе которых башкиры не создали своего государства. Как правило, требования повстанцев сводились к призывам соблюдать вотчинное право и не нарушать их религиозную свободу. Исходя из этого, авторы определяют актуальность статьи, опираясь на ряд материалов башкирского посольства 1733 года.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников использованы неопубликованные документы, извлеченные из фондов 248 (Сенат и его учреждения) и 119 (Калмыцкие дела – (коллекция) фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии) Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). Также в исследовании использованы и опубликованные материалы (*Материалы...*, 1935; *Материалы...*, 1936; *Материалы...*, 2002). Отметим, что наиболее полные материалы, касающиеся предмета нашего исследования, отложились в фонде «Сенат и его учреждения» (РГАДА).

2.2. Методологическую основу исследования составили традиционные общенаучные принципы историзма и объективности. При проведении исследования авторы использовали такие методы, как проблемно-исторический и хронологический. В качестве основного метода исследования был избран структурный метод в его социологической проекции Эмиля Дюркгейма, утверждавшего, что любое общество больше совокупности индивидов, его образующего (*Дюркгейм, 1995*). Этот подход дополняется концепцией Карла Шмитта, согласно которому понятие политического не может быть сведено исключительно к государству (*Шмитт, 2016*), особенно в том случае, если речь идет о демократическом устройстве общества.

3. Обсуждение

В литературе утвердилось мнение, что башкиры в XVI–XVIII вв. не имели своей политической организации и представляли собой совокупность отдельных родоплеменных структур. В 20-е гг. XX в. эту точку зрения наиболее убедительно изложил Б.Э. Нольде. Он считал, что в отличие от казанских, астраханских, сибирских и крымских татар, башкиры никогда не обладали государственностью. Подобно своим соседям ногаям, они состояли из небольших самостоятельных племен, возглавлявшихся вождями (*Нольде, 2013*). Впоследствии с Б.Э. Нольде солидаризировался А. Каппелер, почти буквально повторивший его оценку: «В отличие от большинства других кочевников, входивших в Золотую Орду, башкиры не образовали собственной политической целостной структуры, они находились в тесных взаимоотношениях с Казанским и Сибирским ханствами на севере и с ордами ногайских татар и казахов на юге» (*Каппелер, 2000: 39*).

Логическим следствием данного утверждения явилось отрицание факта договорного подданства башкир, поскольку стороной политического соглашения могла выступать только единая структура, обладающая статусом субъекта. Тем не менее, Б.Э. Нольде и А. Каппелер отмечают, что после присоединения Башкирии российские власти стремились не нарушать земельные права башкир, признали их внутреннее самоуправление и религиозную самобытность.

Однако если не было соглашения, что сдерживало российскую экспансию в Башкирии и христианизацию местного населения? Б. Нольде считает, что осторожность властей была обусловлена тем, что у царя не было в Башкирии конкурентов. Этим и объясняется то, что русское проникновение в Башкирию шло довольно вяло. Москва сюда не стремилась, поскольку здесь ей никто не угрожал и рано или поздно этот край все равно бы оказался под ее властью (*Нольде, 2013: 287*).

Следует отметить, что характеристика российского подданства башкир советских историков (Н.Ф. Демидова, Н.В. Устюгов) выглядит более убедительно. Они признавали договорной характер башкирского подданства, но в качестве субъекта соглашения с Россией видели не сплоченную организацию народа, а отдельных представителей башкирской родовой знати. Российское подданство башкир рассматривалось ими в дискурсе феодального вассалитета. Н.В. Устюгов утверждал, что, когда башкиры входили в состав Российского государства, они еще не вышли из стадии феодальной раздробленности. По его мнению, феодал периода феодальной раздробленности – это вольный слуга, который мог выбирать себе государя по своему усмотрению. Во главе башкир, когда они решали вопрос о подданстве, стояли феодалы, они и придали этому подданству такую политическую форму, которая была им понятна и привычна. Феодалы Башкирии рассматривали свое подданство как свободный вассалитет (*Устюгов, 1950: 127*).

Вместе с тем позиция отрицания договорного характера башкирского подданства (Б. Нольде, А. Каппелер) или концепция феодального вассалитета (Н.Ф. Демидова, Н.В. Устюгов) не в состоянии объяснить феномен башкирских восстаний XVII–XVIII вв., самых ожесточенных и длительных народных выступлений в истории российской колонизации этнических окраин. К примеру, Н.В. Устюгов увидел в башкирских восстаниях типичное проявление феодальной фронды. Сепаратизм башкирских феодалов – обычная реакция на усиление государственной централизации. Н.В. Устюгов проигнорировал тот факт, что восставшие башкиры не создали суверенное государство по типу ханства в 1711 г., когда их подданство России было прервано фактически и юридически

(Азнабаев, 2015: 84-101). Как правило, требования восставших ограничивались призывами к правительству соблюдать соглашение о подданстве.

Концепция башкирских восстаний, предложенная Н.Ф. Демидовой в 1950-х гг. и отраженная в ее диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата исторических наук, представляется более оригинальной, но не более убедительной. Она считает, что башкирские восстания являются следствием несовпадения двух стадий феодальной формации. Башкирское общество в XVII–XVIII вв. переживало переход от патриархально-родовых отношений к феодализму, в то время как российское общество вступило в последнюю стадию феодализма.

Однако уже в 70-е гг. XX в. в теории «кочевого феодализма» были выявлены противоречия (Марков, 1976; Марков, 1981; Семенов, 1982), не позволяющие использовать концепцию даже в качестве объяснительной модели. Тем не менее советские историки по крайней мере стремились создать научное основание для интерпретации ключевых событий российско-башкирских отношений. Западные исследователи, по существу, вернулись к субстанционализму, характерному для историков XIX вв., утверждавших, что башкирские восстания являются проявлением «классической» склонности кочевых народов к набегам на своих оседлых соседей, особенно в ситуации экспансии со стороны последних (Каппелер, 2000: 39).

Наличие договорного подданства башкир было подтверждено Н.Ф. Демидовой в начале XXI в., когда ей удалось обнаружить комплекс архивных источников, подтверждавших факт пребывания башкирских посольств в Москве в XVII в. Она обратила внимание на то, что цель этих посольств заключалась в уточнении и дополнении договорного соглашения башкир и российского правительства середины XVI в. Общие положения жалованных грамот требовали подтверждения и конкретизации, поэтому обращения башкир к правительству продолжались, постепенно перерастая в более или менее систематические посольства. Первоначально такие посольства по традиции направлялись в Казань – центр управления всем Поволжьем. После постройки в конце XVI в. г. Уфы внутри самой Башкирии, включившей основную часть башкирских земель, «посольства», казалось бы, должны были переместиться в новый административный центр. Однако этого не произошло. Некоторое время Казань продолжала играть роль представителя центральной власти не только для населения Казанского уезда, но и для башкир. Постепенно Казань как промежуточная инстанция теряет свое значение, но Уфа, выполняя ряд управленческих и военных функций, отнюдь не приобретает той полноты власти, которую имела Казань. Для башкир это выразилось в непосредственном обращении по наиболее важным вопросам и спорам, которые не смогли решить третейские суды, не к уфимскому воеводе, а непосредственно в Москву, в Приказ Казанского дворца, а также в перемещении места приездов башкирских посольств из Казани в Москву (Демидова, 2003: 180).

Н.Ф. Демидова утверждает, что во взаимоотношение с российской властью вступала родоплеменная знать, т.е. каждое отдельное родоплеменное объединение. Именно родовая знать являлась политическим субъектом, представлявшим свои родоплеменные объединения. Однако автор затрудняется ответить на вопросы: к какой родоплеменной группе и территориальному району принадлежали башкирские послы, направлявшиеся в Москву в XVII в.? Имела ли «родоплеменная верхушка» полномочия представлять интересы не только своих родов, но и всех башкир? Если следовать логике Н.Ф. Демидовой, то родовая знать должна была отстаивать интересы только своих кланов. Тем не менее Н.Ф. Демидова отмечает, что некоторые обращения башкирских посольств были направлены от всего башкирского народа.

Это противоречие в концепции Н.Ф. Демидовой снимается при обращении к исследованию башкирских посольств первой трети XVIII в. В результате реформы управления Уфимской провинцией в 1701–1707 гг. башкирам было запрещено обращаться к верховной власти. Все контакты населения с российской администрацией должны были быть ограничены казанскими властями (Материалы, 1936: 152; Кортуннов, 2009: 9). Однако в 1722 г. традиционный прием представителей башкир возобновился. С этого времени башкирские посольства направлялись в Санкт-Петербург. Наиболее полные материалы, характеризующие цели, представительство и характер башкирских посольств первой трети XVIII в., отложились в фонде Сената после приема башкирского посольства 1733 г.

4. Результаты

Вполне логичным является вопрос о том, насколько посольство 1733 г. соответствовало традиционным приездам в столицу башкирских делегаций XVII в.? В материалах Сената отмечено, что отправке башкирских посольств 1722 и 1733 гг. предшествовали собрания представителей башкирских родов под Уфой на реке Чеснаковке. Мирские сборы под Уфой известны со времени башкирского восстания 1662–1664 гг. (Материалы, 1936: 165). Эти съезды, по утверждению многих уфимских администраторов, собирались по «старинному их обыкновению» на семик, т.е. на седьмой четверг после православной пасхи. В 1733 г. семик пришелся на 10 июня. Посольство прибыло в столицу в начале июля 1733 г.

Вместе с тем полного соблюдения «старинности» в приеме посольств в XVIII в. не могло быть по причине упразднения Приказа Казанского дворца, уполномоченного принимать башкирских

представителей в XVII в. В 1733 г. башкирами занималась иностранная коллегия под надзором Сената. Перевод башкир из ведомства казанских губернских властей в прямое управление Сената произошел в результате пребывания в Санкт-Петербурге башкирского посольства 1728 г.

Договорной характер российского подданства башкир проявился не только в том, что приемом их делегации занимались служащие Коллегии иностранных дел. В первом же обращении к императрице башкирские представители заявили: «Как предки ея императорского величества, так и ея императорское величество, в высочайшей императорской милости содержать изволят и всякие вины им прощает и перед прочими провинциями их Уфимскую провинцию в особливой милости содержать и се де прошение их за благо приемлются и во всех де указах как высочайшая императорская милость явлена» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 34).

Эта уникальность статуса башкир в государстве отображена и в воеводской инструкции уфимскому коменданту от 1728 г.: «...что по усмотрению и обузданию здешнего народа по их обычаю, не вводя для них ничего нового, для рассмотрения общего согласия представил пункты, впредь потому, что многое там не сходственно там другим губерниям и провинциям, что инде полезно, а здесь противно, а которое здесь полезно, то в других местах противно» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 740. Л. 476).

Материалы посольства 1733 г. содержат информацию обо всех участниках миссии и описывают процедуру их избрания: «В челобитной Уфинского уезду четырех дорог башкирцов за руками и тамгами написано, выбрали-де они ис тех дорог от каждой по одному человеку и послали к ея императорскому величеству с их покорнейшим прошением. А с сим всеподданнейшим прошением по мирскому выбору и за подписанным мирским знаком отправили мы ниже именованные башкирцы четырех человек башкирцов, а именно первого Ногайской дороги деревни Буржан Коджа батыря Кутлуева, второго Сибирской дороги деревни Кошчи Капас батыря Байшанова, третьего Казанской дороги деревни Елдек Ахметмуллу Бураева да Ибрагима Кутаева и на подлинном прошении 4 дорог башкирцов приложены знаки по сему» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 28). Таким образом, участники посольства были определены от каждой дороги «по мирскому выбору» до общего собрания под Уфой.

Были ли такие «мирские собрания» съездами родоплеменной верхушки? Численность их участников опровергает это утверждение. В 1737 г. в мирском собрании башкир Казанской дороги участвовало 15 тысяч человек (Материалы, 2002: 368). Это практически все взрослое мужское население одной из четырех дорог Уфимского уезда.

Об отсутствии в башкирском обществе элиты, обладающей правом решать вопросы за своих сородичей, писали многие администраторы края первой половины XVIII в. Наиболее точно эту неудобную для российских властей особенность башкирского общества выразил казанский губернатор П.М. Апраксин: «Народ их проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никаких над собой начал, хотя бы такого как, на Дону атаманы, и таких не имеют, приняться не за кого и чтобы особо послать не кому» (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 179).

Кого представляли четыре выборных башкира, побывавшие в Санкт-Петербурге в июле 1733 г.? Российская государственная практика заключения соглашений такой категории, как «народ», не знает. В XVII – первой трети XVIII вв. ногаи, калмыки и казахи принимали российское подданство в форме присяги (шерти) русскому царю своих правителей (бия Исмаила, тайши Дайчина и хана Абулхаира).

Какая политическая структура представляла башкирский народ во взаимоотношениях с российскими властями? Ответ на этот вопрос можно найти в документации Сената и местных властей первой трети XVIII в. Российские администраторы называли эту политическую структуру Башкирской ордой. Первое упоминание данного политонима мы находим в рапорте начальника царицынского корпуса войск Ф.Г. Чекина, предупреждавшего правительство в январе 1728 г.: «...что ежели так же четыре орды соединятся, а именно: башкирцы, калмыки, каракалпаки и киргиз-кайсаки, то в тамошних местах от них будет не без опасности» (Материалы, 1935: 196). В 1729 г. ротмистр уфимских дворянских рот А. Аничков в челобитной, поданной в Военную коллегия, указал: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и до ныне живут посреди Башкирской Орды... и их город стал украинной и от иных городов в дальнем расстоянии и посреди оной басурманской воровской Орды» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 201).

Тем не менее из названных фрагментов неясно, идет ли речь о политической структуре или географической совокупности родовых структур? Ответ на этот вопрос мы находим в материалах башкирского посольства 1733 г. В одной из резолюций Сената, принятых по челобитным башкир, указано, что обращение к башкирам должно быть сделано «...при оказии, когда будет Башкирская орда в сборе в Уфу» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 421).

Как было указано выше, общее собрание представителей башкирского народа традиционно имело место под Уфой на реке Чеснаковке, которая служила пограничным рубежом, отделяющим земли уфимцев от башкирских вотчин. Судя по оценкам местных администраторов, этот «старинный мирской сбор» предназначался отнюдь не для выражения верноподданнических чувств башкир или подачи коллективных жалоб. В ходе переговоров башкиры предъявляли претензии и жестко

критиковали уфимские власти. Нередко имел место подкуп администрацией наиболее активных башкир. В 1735 г. И.К. Кирилов так описал атмосферу, царившую на сборах Башкирской орды: «...как прежде бывало, собрався на збор поутру, воевод, приказных людей и толмачей на письме бранивали, ворами, грабителями и разорителями называли, а как их оныя одарят – скота на зарез и поила пришьют, то пьяные к вечеру похвальное письмо напишут, добрыми и правдивыми назвав, и в ночь разъедутца по домам, о чем от самих башкирцев слышал, кои смеютца; и о горланах объявляли – с таких-де сборищев деньгами, кафтанами и сукнами рублей по пятидесят и больши сваживали» (Материалы, 2002: 100). В том случае, если уфимские власти не могли удовлетворить претензий Башкирской орды, собравшиеся принимали решение послать представителей в столицу.

На чесноковском сборе Башкирской орды писались челобитные и устанавливались суммы мирских сборов, необходимых на поездку и проживание в столице. Из справки, составленной в 1729 г. в Коллегии иностранных дел о поездке Максюты Юнусова с посланцами от казахских старшин в Санкт-Петербург, отмечено, что «...когда наша братья посылаются в другие города, хотя и не для его величества дел, и тем дается от миру подмога по гривне и по две з дыму» (Гайсин, 2014: 165).

Чьи интересы отражали челобитные башкирского посольства 1733 г.: родоплеменной верхушки, отдельных родов или всех башкир? Из 27 прошений, поданных на имя императрицы Анны Иоанновны, 14 затрагивали вопросы, регулирующие отношения между Российским государством и башкирским народом. При этом только в пяти башкирских прошениях речь идет о частных делах. Это челобитные Алдара Исекеева о пожаловании тарханского звания его родственникам, муллы Катки Токаева об отведении в вотчинное владение башкирам Иланской волости двух перевозов на реке Белой, башкир Гайнинской волости об исключении их из юрисдикции уфимских властей и, наконец, обвинение, выдвинутое башкиром Уранской волости Мусой Истековым в отношении уфимского подьячего Кирилла Панкова.

При этом 9 челобитных, привезенных послами, не имели прямого отношения к башкирам. Три коллективных челобитных были поданы от тептярей и бобылей. По одной челобитной написали представители казахов, ногайцев, калмыков и русских. Н.Ф. Демидова, исследуя приезд в Москву представителей башкирского посольства 1644–1645 гг., также обратила внимание на то, что, наряду с башкирскими челобитными, в Приказ Казанского дворца были поданы несколько прошений от татар и чувашей. Она затруднилась ответить на вопрос: «Входили ли они в состав посольства или их челобитные были пересланы вместе с башкирскими?» (Демидова, 2003: 185). Материалы посольства 1733 г. показывают, что в состав посольств входили только выборные башкиры. Почему они в таком случае брали на себя роль ходатаев за представителей других народов Уфимского уезда? Дело в том, что все они, в том числе и служилые мешчеряки, являлись припущенниками башкир-вотчинников. В соответствии с вотчинным правом эти арендаторы по всем вопросам землевладения могли входить в отношения с Российским государством только через посредство башкир. Единственным исключением из этого ряда является прошение бежавших из казахского плена двух поповских сыновей из города Тары – Михаила Попова и Петра Любимова. Из плена они вышли хотя и «обасурманенными», но не с пустыми руками – десятком лошадей и четырьмя калмычками. Встретившие их на границе башкиры Тамьянской волости помогли добраться до Уфы, отобрав предварительно весь скот и калмычек. Беглецы просили Сенат записать их в дворянские роты Уфы.

Следует отметить, что челобитные тептярей и бобылей опровергают устоявшееся в литературе заблуждение о якобы секретном характере Оренбургской экспедиции. Оренбургский историк Д.А. Сафонов попытался выяснить, кто первым заявил о секретности экспедиции. В 1968 г. оренбургский историк-краевед С.А. Попов указал на секретный характер Оренбургской экспедиции, не сочтя нужным сослаться на какие-либо источники (Попов, 1968: 81). Как отмечает Д.А. Сафонов, никто не попытался объяснить, зачем нужна была секретность (Сафонов, 2003: 31). В 1733 г. в своем прошении тептяри и бобыли прямо указали, что «...ныне, ежели указ состоится о строении города на Урсное устье, то со всяким нашим усердием будем служить и работать» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 321). Поскольку тептярей и бобылей не было в составе посольства, то, следовательно, о предстоящей экспедиции на реку Орь знали жители Уфимской провинции еще в начале июня 1733 г., т.е. задолго до официального утверждения проекта Оренбургской экспедиции.

Основным мотивом собственно башкирских челобитных является захват вотчинных земель. В трех коллективных прошениях речь идет о закрытии башкирам доступа к месторождениям соли на реке Илек. В 1725 г. атаман Арапов построил на реке Сакмаре крепость, на что обратили внимание представители башкирского посольства 1728 г.

Следует отметить, что илецкие месторождения, как и охотничьи угодья за Яиком, являются исключением из системы башкирского вотчинного права. Владельцем вотчинной земли в башкирском обществе выступает отдельная родоплеменная структура – волость. Однако месторождение соли на Илеке, по свидетельству челобитчиков, было утверждено монгольскими правителями за всем башкирским народом. Формально земли по рекам Яик и Илек находились в собственности семи башкирских родов. Именно они платили ясак с этой территории, но пользоваться илецкой солью имели право все башкирские волости без исключения (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 267).

Чем было обусловлен исключительный статус илецкого месторождения? Дело в том, что ведение промысла соли на Илеке было сопряжено с неизбежными военными столкновениями с кочевыми соседями башкир. Месторождения находились на самой границе башкирских вотчинных земель. В XVII в. у башкир эти уголья оспаривали ногаи и калмыки, а в начале XVIII в. – казахи и каракалпаки. В коллективной челобитной башкир от 1718 г. отмечается: «Исстари де отцы и деды их довольствовались солью, за что и службы служили и ясак давали из давних лет, потому что в тех местах многие неприятели ездят киргиз-кайсаки и каракалпаки и сказали, что когда сами башкирцы по соль ездят то многолюдством, так что тысячи по три и с неприятелями бьются токмо из них человек с 300 соль берут, а прочие обороняются» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 544).

Согласно условиям добровольного подданства середины XVI в., охрана и оборона южной границы Уфимского уезда была возложена на все башкирские роды, поэтому и доступ к илецкому месторождению был открыт для всех башкир. Однако сами башкиры не допускали представителей российской администрации на Илек. В 1718 г. башкиры запретили уфимцу М. Аничкову осмотреть илецкие промыслы под тем предлогом, что «...в такую землю, где неприятели всегда бывают и воюются не могли отвезти» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 152).

Обратим внимание, что претензии к агаману Арапову предъявили башкирские тарханы, отвечавшие за организацию охраны южной границы. От их лица тархан Кипчакской волости Тохчур Алмяков писал в 1733 г.: «Мы нижайшие в украинные города от неприятельских набегов стоим на карауле, как тарханы, так и ясачные, служим денно и ночью с детьми своими, а ежели на городов и на селех и на деревни неприятельские люди набегают, тотчас извещаем и ежели по нашей силе то их побиваем, а ежели не по нашей силе, то оные неприятельские люди побивают нас, нижайших. Всемиловитивейшая государыня покажи свою милость для того оный Арапов говорит, что та-де земля по реке Яик с вершины до устья всемиловитивейшие великие государи мне пожаловали с аремами и с озерами и с рыбными ловлями и мелкими реками и со степью и со всякие угоды и просим вашего императорского величества дабы повелено было оною Арапова с той земли отказать и никакое насильство не чинить...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 329).

Материалы посольства 1733 г. указывают на то, что именно охрана южной границы Уфимской провинции сплачивала башкирские роды в единую военную организацию – Башкирскую орду. Она имела экзополитарный характер, свойственный для многих кочевых объединений Евразии (Крадин, 2001: 43). Как отмечает Н.Н. Крадин, «во внутренних отношениях “государствоподобные” империи номадов (за исключением некоторых вполне объяснимых случаев) основаны на ненасильственных связях, они существовали за счет внешних источников без установления налогообложения скотоводов» (Крадин, 2000: 329). Башкирская орда выглядела консолидированной только в вопросах организации охраны границы или во взаимоотношениях с Российским государством, внутри же родоплеменные организации не образовывали никакой иерархической структуры. Верховной власти в лице хана просто не было места.

Вместе с тем те же материалы посольства 1733 г. свидетельствуют о противоречиях, которые подрывали ее сплоченность даже во внешних делах. В 20–30-е гг. XVIII в. наиболее острой для башкир являлась проблема массового переселения в Уфимскую провинцию так называемых «сходцев», т.е. беглецов из соседних провинций. Речь шла о десятках тысяч татар, марийцев, чувашей и удмуртов, стремившихся на башкирских землях облегчить свое налоговое бремя, обрести религиозную свободу и получить доступ к обширным пахотным угольям. Причина назревающего внутрибашкирского конфликта заключалась в разном обеспечении земель башкирских волостей. К примеру, башкиры Ногайской дороги обладали огромными земельными владениями, простиравшимися на сотни километров. Здесь земледельческие переселенцы становились желанными для башкир трудовыми мигрантами, представлявшими дополнительный экономический ресурс для башкирских общин. Отработка и выплата оброков за возможность пользования вотчинными землями позволяли местным башкирам получать необходимые средства для сохранения кочевого образа жизни. Однако на северо-востоке и северо-западе Уфимской провинции переселенцы были настоящей проблемой для малоземельных волостей. К тому же сходцы требовали от правительства обложить их ясаком «противу башкирского», т.е. претендовали на статус башкир-вотчинников. Согласно традиционному земельному праву, каждый род мог пускать на свою территорию столько сходцев, сколько сочтет нужным. Более того, даже внутри общины каждый вотчинник имел право приглашать на свой пай любого переселенца. Это приводило к спорам, которые не могли быть урегулированы внутри башкирского общества. К примеру, в 1733 г. башкиры 12 волостей, входивших в Айлинский союз, подали коллективную челобитную на башкира Тырнаклинской волости Мандара Мещерева. В челобитной было особо отмечено, что «...прадеды и деды наши нижайших, меж собой письменно утвердили, что нам всеми 12 волостями владеть тою нашей землею и всякими нашими угольями по старому нашему владению бесспорно, и кто где жить пожелает и с того места не ссылат и всяких угодий не отнимать токмо ныне Тырнаклинской волости башкирец Мандар Мещерев чинит нам нижайшим обиды и разорение и с той нашей вотчинной земли, где жили прадеды и деды и отцы наши и всякие уголья истари владели, нас нижайших ссылат». Дело в том, что Мандар собрал у себя «много пришлых из других городов людей» (РГАДА.

Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 263). Конфликт из-за сходцев в 20-е гг. XVIII в., перераставший в настоящие вооруженные столкновения между башкирами, угрожал военно-политическому единству Башкирской орды (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 585).

О нарастании внутренних проблем в башкирском обществе свидетельствуют и челобитные, в которых отмечается падение авторитета третейских судов, или, как их называли башкиры, шерагатов. Именно они представляли собой основу самоуправления. В ходе добровольного вхождения в состав России башкиры оговорили себе право в своих волостях самим вершить правосудие во всех преступлениях, за исключением криминальных дел и земельных споров. Отметим, что это юридическое изъятие было сделано по инициативе самих башкир, поскольку внутри общества не существовало других средств наказания убийц или разбойников, кроме кровной мести. Столь же бесперспективной являлась попытка урегулировать земельные споры между родоплеменными структурами с помощью третейского суда. К примеру, земельный спор между башкирскими родами Бурзян и Кипчак длился почти 500 лет. О нем слагали эпосы, но разрешилась эта тяжба только в период Генерального межевания. Впрочем, в ряде случаев башкиры прибегали к шерагатам во время земельных процессов. Однако подобные действия башкир признавались российской администрацией только в качестве предварительного следственного расследования. Окончательное же решение всегда оставалось за официальной властью, поскольку только она имела право подтверждать право на владение землей соответствующим актом.

Материалы башкирского посольства 1733 г. говорят о том, что третейские суды теряют авторитет, несмотря на сакральный статус, декларируемый самими башкирами. Об этом прямо указывается в челобитной муллы, будущего старшины Каршинской волости Шарипа Мрякова. Он жаловался властям, что участники шерагата «многие опорочат и спорят и вяжутся вторично в тяжбу и разоряются в конец и многие отбывают платежа вашего императорского величества ясака» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 311). Мулла ходатайствовал «об учинении по разводу нашему виноватых наказанье дать мне низжайшему вашего императорского величества указ». В данном прошении речь шла о наделении башкирских третейских судов беспрецедентным для них правом. Шарип Мряков убеждал правительство в необходимости закрепить за третейскими судьями функции исполнительной власти, опирающейся на авторитет российской администрации. Таким образом, если тяжущаяся сторона отказывалась исполнять решения третейского судьи, то в дело должны были вступить российские власти. По существу, Шарип Мряков в 1733 г. предложил правительству ликвидировать один из важнейших институтов башкирского самоуправления.

5. Заключение

Подведем итоги. Материалы башкирского посольства 1733 г. позволяют нам сделать следующие выводы:

Во-первых, есть все основания подтвердить положение Н.Ф. Демидовой о том, что российское подданство башкир имело договорной характер. В 30-е гг. XVIII в. этот факт осознавался российскими властями и самими башкирами. Условия соглашения конкретизировались и уточнялись на протяжении всего XVII – первой трети XVIII вв. Это происходило во время пребывания в Москве и Санкт-Петербурге башкирских посольств, которые принимались Приказом Казанского дворца, а после его ликвидации – Коллегией иностранных дел.

Во-вторых, субъектом соглашения с Российским государством выступала не родоплеменная верхушка, а политическая структура, называемая в официальных документах Башкирской ордой. Именно ее представляли башкирские посольства. Состав и содержание челобитных утверждались на собраниях Башкирской орды, которые проходили под Уфой на семик – седьмой четверг православной пасхи. Администрация и сами башкиры называли их «мирскими», что подчеркивает их демократический характер. В башкирском обществе отсутствовала элита, способная брать на себя решение вопросов, затрагивающих интересы родовых структур. Не будучи государством, Башкирская орда объединяла все башкирские родоплеменные структуры в единую военную организацию, призванную защитить территорию от набегов южных кочевых народов – ногаев, калмыков, казахов и каракалпаков.

Башкирская орда решала некоторые конкретные задачи, которые были не по силам отдельным родоплеменным структурам – контроль за соляными месторождениями на Илеке и охотничьими угодьями за Яиком.

Российское государство в XVII – первой трети XVIII вв. признавало легитимность этого военно-политического образования, поскольку в соответствии с соглашением башкиры брали на себя защиту юго-восточной границы государства.

В-третьих, Башкирская орда не могла существовать в качестве суверенной политики. Конфликты, неизбежно возникающие между родоплеменными структурами из-за спорных территорий или убийств, не разрешались внутри социума мирным путем. В качестве традиционного выхода из ситуации предлагалась кровная месть или насильственный захват спорной земли. В то же время автономный статус Башкирской орды позволял делегировать имперскому центру наиболее конфликтные вопросы управления. Глава государства, будучи равноудаленным властителем,

брал на себя функцию судьи во всех земельных спорах башкир и криминальных преступлениях, являвшихся главными причинами межплеменных войн.

В-четвертых, в 20–30-е гг. XVIII в. Башкирская орда переживает кризисный период своего существования. В результате массового переселения на башкирские вотчинные земли нерусского земледельческого населения из соседних провинций наметилась угроза раскола военно-политического единства башкир. Если юго-восточные общины видели в «сходцах» экономический ресурс, позволявший улучшить за счет арендных платежей и отработок свое материальное положение, то малоземельные волости северо-запада не смогли справиться с потоком переселенцев, которые начали самовольно захватывать их вотчинные угодья.

Последний удар по политическому единству башкирского народа нанесли яицкие казаки, захватившие месторождения соли на реке Илек в 1725 г. В отличие от вотчинных земель, принадлежавших каждой отдельной волости, соляные промыслы, как и охотничьи угодья за Яиком, находились во владении всех башкир.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №20-09-42053: «Трансформация отношений центра и этнической окраины в период Петровских преобразований (на примере нерусского населения Уфимской провинции первой четверти XVIII в.)»).

Литература

Азнабаев, 2015 – *Азнабаев Б.А.* Возобновление российского подданства башкир в 1722 г. // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 84-101.

Гайсин, 2014 – *Гайсин А.А.* Посол белого падишаха: Юго-восточная политика Петра I и его преемников. Уфа: Гилем, 2014. 320 с.

Демидова, 2003 – *Демидова Н.Ф.* Башкирские посольства в Москву в XVII в. // От древней Руси к России Нового времени. М.: Наука, 2003. С. 179-190.

Дюркгейм, 1995 – *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.

Каппелер, 2000 – *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

Кортунов, 2009 – *Кортунов А.И.* Башкиры в составе казачьих войск Урала (XVIII–XIX вв.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 110 с.

Крадин, 2001 – *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.

Крадин, 2000 – *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 314-337.

Марков, 1976 – *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 320 с.

Марков, 1981 – *Марков Г.Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // *Советская этнография.* 1981. № 4. С. 86-94.

Материалы..., 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. Ч. 1. М.-Л.: АН СССР, 1936. 631 с.

Материалы..., 2002 – Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 768 с.

Материалы..., 1935 – Материалы по истории каракалпаков. Сборник. Труды института востоковедения. Т. VIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 299 с.

Нольде, 2013 – *Нольде Б.Э.* История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.

Попов, 1968 – *Попов С.А.* Далекое прошлое // Орденосное Оренбуржье. Челябинск: Южно-Уральское книж. изд-во, 1968. 392 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Сафонов, 2003 – *Сафонов Д.А.* Начало оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). Оренбург: Изд-во Оренбургская губерния, 2003. 92 с.

Семенов, 1982 – *Семенов С.Ю.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // *Советская этнография.* 1982. № 2. С. 48-59.

Устюгов, 1950 – *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.-Л.: АН СССР, 1950. 154 с.

Шмитт, 2016 – *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 588 с.

References

Aznabaev, 2015 – *Aznabaev, B.A.* (2015). *Vozobnovlenie rossijskogo poddanstva bashkir v 1722 g.* [Renewal of Russian citizenship of the Bashkirs in 1722]. *Almaty. [in Russian]*

Gajsin, 2014 – *Gajsin, A.A.* (2014). Posol belogo padishaha: Yugo-vostochnaya politika Petra I i ego preemnikov [Ambassador of the White Padishah: The South-Eastern policy of Peter I and his successors]. Ufa. [in Russian]

Demidova, 2003 – *Demidova, N.F.* (2003). Bashkirskie posol'stva v Moskvu v XVII v. [Bashkir embassies to Moscow in the XVII century]. M. [in Russian]

Dyurkgejm, 1995 – *Dyurkgejm, E.* (1995). Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moskva. [in Russian]

Kappeler, 2000 – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. [Russia is a multinational empire]. Moskva. [in Russian]

Kortunov, 2009 – *Kortunov, A.I.* (2009). Bashkiry v sostave kazach'ih vojsk Urala (XVIII-XIX vv.). [Bashkirs as part of the Cossack troops of the Urals (XVIII-XIX centuries)]. Ufa. [in Russian]

Kradin, 2001 – *Kradin, N.N.* (2001). Imperiya Hunnu. [Xiongnu Empire]. Moskva. [in Russian]

Kradin, 2000 – *Kradin, N.N.* (2000). Kochevniki, mir-imperii i social'naya evolyuciya [Nomads, world-empires, and social evolution]. Moskva. [in Russian]

Markov, 1976 – *Markov, G.E.* (1976). Kochevniki Azii. Struktura hozyajstva i obshchestvennoj organizacii [Nomads of Asia. Structure of the economy and public organization]. Moskva. [in Russian]

Markov, 1981 – *Markov, G.E.* (1981). Skotovodcheskoe hozyajstvo i kochevnichestvo. Definicii i terminologiya [Cattle breeding and nomadism. Definitions and terminology]. *Sovetskaya etnografiya*. 4: 86-94. [in Russian]

Materialy..., 1936 – Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoj polovine XVIII vv. (1936). [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Bashkir uprisings in the XVII and first half of the XVIII centuries]. Moskva-Leningrad. [in Russian]

Materialy..., 2002 – Materialy po istorii Bashkortostana. Orenburgskaya ekspediciya i bashkirskie vosstaniya 30-h godov XVIII v. (2002). [Materials on the history of Bashkortostan. The Orenburg expedition and the Bashkir uprisings of the 30s of the XVIII century]. Ufa. [in Russian]

Materialy..., 1935 – Materialy po istorii karakalpakov. Sbornik. Trudy instituta vostokovedeniya (1935). [Materials on the history of the Karakalpak. Collection. Proceedings of the Institute of Oriental Studies]. Moskva-Leningrad. [in Russian]

Nol'de, 2013 – *Nol'de, B.E.* (2013). Istoriya formirovaniya Rossijskoj imperii. [History of the formation of the Russian Empire]. SPb. [in Russian]

Popov, 1968 – *Popov, S.A.* (1968). Dalekoe proshloe [The distant past]. Chelyabinsk. [in Russian]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Safonov, 2003 – *Safonov, D.A.* (2003). Nachalo orenburgskoj istorii (Sozdanie Orenburgskoj gubernii v seredine XVIII v.). [The beginning of the Orenburg history (The creation of the Orenburg province in the middle of the XVIII century.)]. Orenburg. [in Russian]

Semenov, 1982 – *Semenov, S.Yu.* (1982). Kochevnichestvo i nekotorye obshchie problemy teorii hozyajstva i obshchestva [Nomadism and some general problems of the theory of economy and society]. *Sovetskaya etnografiya*, 1982, Nr 2, pp. 48-59. [in Russian]

Ustyugov, 1950 – *Ustyugov, N.V.* (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737-1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737-1739]. Moskva-Leningrad. [in Russian]

Shmitt, 2016 – *Shmitt, K.* (2016). Ponyatie politicheskogo [The concept of political]. SPb. [in Russian]

Проблема субъекта в договорных отношениях башкир с Русским государством в XVII – первой трети XVIII вв.

Булат Ахмерович Азнабаев ^{a, *}, Алексей Иванович Кортуннов ^b

^a Башкирский государственный университет, Российская Федерация

^b Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

Аннотация. Поскольку башкиры в XVI–XVIII в. не обладали государственностью, то концепция их договорного подданства России до сего времени вызывает вполне обоснованную критику. В зарубежной и отечественной историографии сложились две точки зрения, одна из которых отрицает наличие какого-либо двухстороннего соглашения Российского государства с башкирами, другая – рассматривает эти отношения с позиции феодального вассалитета. Однако ни одна из этих трактовок не может объяснить феномен башкирских восстаний XVII–XVIII вв., в ходе которых башкиры не создали своего государства. Как правило, требования повстанцев сводились к призывам соблюдать вотчинное право и не нарушать их религиозную свободу. Для разрешения

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azbulatt@rambler.ru (Б.А. Азнабаев),

kortunov@rambler.ru (А.И. Кортуннов)

данного противоречия авторы сочли необходимым ввести в научный оборот материалы башкирского посольства 1733 г. В процессе их анализа удалось установить, что договорные отношения с Россией заключали не отдельные представители башкирских родоплеменных структур, а единая политическая структура, называемая в официальных документах «Башкирской ордой». Эта полития решала исключительно внешнеполитические задачи. Она отвечала за организацию охраны юго-восточных рубежей Уфимской провинции и регулирование отношений с Российским государством. Внутри этой политии родоплеменные объединения не образовывали какой-либо иерархической структуры, венчаемой фигурой хана. По этой причине наиболее острые конфликты между башкирскими общинами (земельные тяжбы и криминальные преступления) выносились на рассмотрение верховной власти государства. Таким образом, Башкирская орда могла существовать только в качестве автономного объединения в рамках империи. Вместе с тем в первой трети XVIII в. башкирское объединение переживает политический кризис, вызванный широким притоком земледельческих мигрантов из соседних провинций. По вопросу приема переселенцев башкирские волости не смогли прийти к единому решению. Обострению внутреннего конфликта в Башкирской орде способствовал захват яицкими казаками в 1725 г. месторождений соли на Илеке, традиционно считавшихся достоянием всего башкирского народа.

Ключевые слова: российское подданство башкир, Башкирская орда, башкирское посольство 1733 г., родоплеменная структура.